

Тишков В.А.

НАЦИЯ НАЦИЙ О ПОДХОДАХ К ПОНИМАНИЮ РОССИИ



ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

В.А. Тишков

**НАЦИЯ НАЦИЙ
О ПОДХОДАХ
К ПОНИМАНИЮ
РОССИИ**

Москва
2023

УДК 316
ББК 60.56
Т47

*Публикация подготовлена по гранту
Министерства науки и высшего образования
Российской Федерации
(№ соглашения о предоставлении гранта:
075-15-2022-328).*

Рецензенты:

*д.и.н. М.Ю. Мартынова
академик Е.И. Пивовар*

Тишков В.А. Нация наций: о подходах к пониманию России. М.: ИЭА РАН, 2023 – 69 с.

ISBN 978-5-4211-0299-1

<https://doi.org/10.33876/978-5-4211-0299-1/2023-12/1-69>

Т47 Книга подготовлена на основе пленарного доклада на Втором международном Петербургском историческом форуме, 10-16 октября 2022 года и представляет собою разработку проблемы национально-строительства в культурно сложных обществах, каковым является Российская Федерация. Критически излагаются подходы к пониманию сущности нации и государства в контексте двух теоретических парадигм – примордиализма и конструктивизма. Дан анализ консервативного поворота в современном общественном сознании, выраженный прежде всего в религиозно мотивированном фундаментализме и в его противостоянии концепту национализма и нациестроительства на полиэтнической, гражданской основе. Дан сравнительный анализ национальной идеи в таких странах-цивилизациях, как Китай и Индия, роль концепции нации и национального государства в развитии и сохранении целостности этих государств. Обосновывается схожий вариант национальной идеи для России как государства-нации с пониманием нации как полиэтнического согражданства под единой суверенной властью. Обоснован вывод, что Россия есть нация и цивилизация как две не взаимоисключающие категории самообозначения. Сформулирована тема ценностного подхода к пониманию России.

ISBN 978-5-4211-0299-1

УДК 316

ББК 60.56

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2023

© Тишков В.А., 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Конструктивный реализм versus примордиализм	9
Фундаментализм и национальный проект	14
И нация, и цивилизация	21
Возвращение национального государства	27
Об Индии	33
О Китае	40
Ценностный подход	48
Заключение	65

«Сохранение разнообразия народов России, их этнической, культурной самобытности имеет для нас ключевое значение, так же, как и традиции взаимного доверия, согласия, родства. Именно эти устои наполняют единство российской нации особой внутренней силой».

Из речи Президента В.В. Путина
на вручении Государственной премии
за укрепление единства российской нации в 2017 г.

«Общность ценностей – это самое важное, что обеспечивает единство и сплоченность нации и во времена мира, и во времена отсутствия мира».

Из выступления Патриарха Кирилла
на встрече Президента РФ
с историками и лидерами российских конфессий,
4 ноября 2022 г.

*«Россия – не Русь, но союз народов, объединившихся во-
круг Руси. Если русские будут игнорировать их голоса, то
останемся в одной Великороссии, т.е. России существо-
вать не будет».*

Федотов Г.П. Судьба и грехи России:
В 2 т. СПб.: София, 1991. Т.2. С. 181.

«Прагматический проект нации апеллирует к примордиализму обыденного сознания масс, но реализует свой проект, следуя рецептам конструктивизма».

Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В.
Нациестроительство в современной России.
М.: 2014. С. 58.

ВВЕДЕНИЕ

Последние десятилетия XX в. были временем глубоких катаклизмов в жизни нашей страны. Это было время верхушечных политических импровизаций, массовых низовых мобилизаций, смены основ социально-экономического строя и государственного устройства, демонтажа прежних идеологических и морально-нравственных основ жизни. Наконец, 1991 год ознаменовал распад Советского Союза и возникновение Российской Федерации. Конечно, многие российские гуманитарии переживали все эти пертурбации не просто как наблюдатели в «замках из слоновой кости», а как непосредственные участники и даже архитекторы многих перемен. По крайней мере, как в рассказе Фазиля Искандера, мы все есть «думающие о России». Об этом и моя небольшая книга.

Первые десятилетия XXI в. связаны с глубокими социально-культурными и геополитическими трансформациями, когда фактически родилась новая страна или, точнее, страна-Россия родилась заново с новыми экономикой и политическим строем. В новой России элита и наука оказались заняты драматическим поиском идеи нации, сохранением исторической преемственности и утверждением новой российской идентичности в условиях этнического и религиозного многообразия. Прошло 30 лет жизни после образования Российской Федерации, но образ страны и идентичность народа сложились еще не в полной мере. Это примечательное «отставание», или, как я его называю, *кризис понимания России* отметил в одном из своих выступлений председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин: «Поскольку новая страна, став правопреемницей прежней, настолько радикально изменила государственный, экономический и социальный строй, что она не сумела в полной

мере унаследовать и устойчиво воспроизвести прежнюю российскую симфоническую идентичность»¹.

И все же в стране произошел поразительный прорыв от советско-ностальгической идентичности к общероссийскому самосознанию и патриотизму, явный поворот от межэтнических напряженностей и региональной разобщенности к общероссийской солидарности и гражданскому согласию. Путь нового нациестроительства далеко не пройден, он переживает паузы и даже моменты попятного движения. Но это не должно обескураживать сторонников российского национального проекта. В такой большой и сложной по составу населения стране, как Россия, всегда будут сохраняться социально-политические разногласия и риски, внутренние и внешние угрозы. Также будет продолжаться вековечный диалог между разными полюсами общественной и политической мысли, начиная с давних споров между «западниками» и «славянофилами», а сегодня – между консерваторами и либералами, между националистами разных мастей и сторонниками гражданского равенства и межкультурного диалога.

Но при этом всегда есть, или, по крайней мере, крайне желателен тот минимум общественного консенсуса и общеделяемого знания, на котором должно основываться общественное правление. Игнорировать и подвергать необоснованной ревизии научное знание о прошлом собственной страны непозволительно как домашним, так и зарубежным интерпретаторам. Данный подход уважения научных взглядов распространяется и на оценки современного состояния общества, на проектирование его будущего. Здесь также недопустимы спекулятивные крайности на основе псевдонаучной философской схоластики, мифопоэтических и

¹ Выступление председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина на XVII пленарном собрании Всемирного Русского Народного Собора (30-31.10.2013).

теологических конструкций. В общественном дискурсе и в политической повестке могут быть и даже желательны мечтания, призывы и лозунги, волевые действия и эмоциональный настрой, но «большие проекты», к которым относятся нациестроительство, формирование образа страны и ее народа, на основе поверхностной публицистики и идеологическом предписании осуществить невозможно.

Две тысячи двадцать второй год перевернул многое в наших представлениях о стране и об окружающем мире. Решением Президента В.В. Путина была начата специальная военная операция на Украине по защите русскоязычного населения Донбасса, которая вместе с жертвами и разрушениями вызвала серьезные миграции и проблемы интеграции новых территорий и населения в общероссийское пространство. Как никогда, обозначились военно-стратегическое противостояние России и т.н. коллективного Запада, размежевание многих стран мира по вопросу поддержки или осуждения курса России на отстаивание своей национальной и глобальной безопасности. Этот драматический момент в жизни страны восходит к геополитическому катаклизму распада СССР, к разделению государственными границами людей, связанных русским языком и культурой, общей исторической памятью, к возрождению в соседней стране крайних форм национализма с неонацистскими основами.

Наступившие испытания для российской государственности вызвали к жизни разные явления, настроения и эмоции. Понимание и выбор поведения приходят не сразу и не ко всем одинаково, ибо среди россиян разнятся условия жизни, кругозор и окружение. Трагический кризис отношений между двумя близкими народами вызывает боль и разочарование. Понятно, что у истоков кризиса лежит не политика Кремля, а нацеленность противников России сдержать ее развитие, ограничить ее влияние, вызвать

вражду и конфликты между странами бывшего СССР. Достаточно сказать, что до и после распада никто из известных мне зарубежных коллег и политиков не поддерживал вариант нациестроительства Украины через федерализацию и официальное украинско-русское двуязычие. Активисты на Западе и многие на Украине желали только безраздельного утверждения этнического украинства и «ухода от России». Не меньшим разочарованием стал срыв Минских соглашений по урегулированию положения на Украине, которые всего лишь предусматривали внутреннюю автономию для одного из регионов и восстановление в нем официального статуса русского языка. Так Украина стала провальным примером отказа от отвечающего реалиям жизни проекта нациестроительства. Этот случай еще раз выявил фундаментальную важность российского национального проекта, основанного на признании этноконфессиональной сложности и обеспечении единства российского народа.

КОНСТРУКТИВНЫЙ РЕАЛИЗМ *VERSUS* ПРИМОРДИАЛИЗМ

Доминирующая в современном обществознании теория *социального конструктивизма* исходит из того, что на основе социальной реальности в результате целенаправленных усилий элит в лице экспертов и политиков претворяются в жизнь проекты созидания или разрушения, совершается сам по себе общественный процесс. Этот подход, а точнее – теория познания, о том, как люди формируют социальные феномены, включая сами представления о реальности, как эта реальность воспроизводится людьми в процессах ее осмысления и поддерживается за счет социальных взаимодействий. Во взаимодействии люди воспроизводят как своего рода «здоровый смысл» представления о жизненных реалиях, но которые на самом деле не есть что-то заданное изначально, а сконструировано самими людьми в разных ситуациях и в разных целях¹. Более адекватное название этого подхода – конструктивный реализм (предложение академика В.А. Лекторского).

Исходя из этого подхода, гуманитарные научные знания также во многом являются результатом совместных усилий ученых. К этому относятся разные понятия и категории, включая те, о которых пойдет речь в книге, – это *цивилизация, нация и национальная идентичность*. Данный подход противостоит фатализму, историческому детерминизму, политическим импровизациям без учета реальных условий

¹ См. подр.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995; Якимова Е. В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы: науч.-аналит. обзор. М.: ИНИОН, 1999. О конструктивизме в политологии см.: Chandra K. (ed.) Constructivist Theories of Ethnic Politics. Oxford, New York: Oxford Univ. Press. Chandra, 2012.

и возможностей. Конструктивизм противостоит *эссенциализму* – представлению о том, что социальная реальность определяется внеисторическими и независящими от сознания человека сущностями. Противостоящий конструктивизму подход называют примордиальным типом мышления. Это – течение общественной мысли, для которого главными в жизни являются не творчество, инновации и развитие, а опора на прошлую норму и вера в существование неких фундаментальных структур и предначертаний судьбы: от генов до божественных пророчеств. *Примордиализм* в чем-то схож с мессианизмом, будь это американская Manifest of Destiny (судьбоносное предначертание нести в мир демократию) или идея «Москва – третий Рим» (мировое предназначение русского православия хранить основы христианства). В жизни конструктивизм и примордиализм как два взгляда на реальность и два познавательных подхода пребывают зачастую в причудливых сочетаниях. Применительно к идее нации и национальному строительству на этот счет адекватно высказались российские авторы в одной из книг: «Прагматический проект нации апеллирует к примордиализму обыденного сознания масс, но реализует свой проект, следуя рецептам конструктивизма»¹.

С этим положением двойственности, (не)уживчивости двух подходов можно было бы и согласиться, если бы не одно обстоятельство. На стороне примордиализма все чаще выступают не только поборники старых прописей по части «материалистического понимания реальности» и «законов всемирно-исторического развития», но и недавние продукты научно-образовательной атмосферы последних десятилетий. Именно от этой уже многочисленной когорты псевдопрофессоров и самозванных академиков истека-

¹ Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В. Нациестроительство в современной России. М.: Алгоритм: Научный эксперт, 2014. С. 58.

ет мутный поток идей и заклинаний по поводу России, ее прошлого и будущего. От них исходят призывы выработать «собственные инструменты познания», осуществить «духовную репатриацию современного общества» и т.п.

Узкая компетенция и апломб глобальных суждений, неотойбистская схоластика и махровая конспирология, изоляционистское мышление досаждают, как никогда, отечественному общественному сознанию. Последнее направление можно охарактеризовать как *фундаментализм*, который пребывает на подъеме не только в России, но и в других регионах мира, и он связан прежде всего с религиозными верованиями. Известный религиозный философ Мартин Марти писал, что фундаментализм апеллирует к «людям, неспособным вынести “случайное”, лишенное твердых опор и понятных ориентиров существование, и потому объединяющимся вокруг тех, кто готов предложить им абсолютное, всеобъемлющее, не ведающих сомнений и не признающее исключений мировоззрение». Фундаментализм – это реактивная идеология, которой «совершенно необходима некая сила, тенденция, некий враг, который мог бы восприниматься как потенциальная или уже вполне реальная угроза, разъединяющая и разрушающая все самое дорогое для данного сообщества». Так называемые фундаментальные ценности «непрерывно восходят к более ранней, чаще всего – изначальной, чистой и неиспорченной... стадии священной истории соответствующей группы». Эти ценности используются для того, чтобы четко обозначить границы сообществ, привлечь и объединить «своих» и оттолкнуть «чужих»¹.

¹ *Martin E. Marty. Fundamentalism as a social phenomenon // Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences. Vol. 42. November 1988. P. 15-29 (Цитир. по: Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб: Алетейя, 1998. С. 276).*

Фундаментализм подобен во многом национализму, но есть и различия. Как пишет Эрик Хобсбаум, если фундаментализм в любой его форме в какой-то мере все же «опирается на остатки подлинных традиций, обычаев, обрядов, воплощенных и закрепленных в религиозном культе, то национализм как таковой оказывается либо откровенно враждебным реальному, невыдуманному прошлому, либо возникает на его обломках». Но, с другой стороны, у национализма есть другое преимущество перед фундаментализмом: «Сама его неопределенность, отсутствие в нем конкретной положительной программы способны обеспечить национализму всеобщую поддержку в пределах данной группы»¹.

В нашей книге мы трактуем национализм в более определенном ключе, а именно как идеологию и политическую практику строительства государства на основе сплочения общества вокруг объединяющего концепта нации и всего того, чем в разных странах и условиях наполняется этот концепт.

По словам одного из ведущих специалистов по данной теме, «современные нации часто имеют исторические корни в старых этнических идентичностях. Но национализм — это особый способ осмысления коллективной идентичности, отличный от этничности, а сама этничность — это лишь один из способов организации коллективных идентичностей в прошлом»².

Принято различать две формы национализма. Гражданский (или государственный) национализм основывается на понятии нации как социально-политической общности или согражданства. Культурный (или этнический) национализм рассматривает нацию как этническую общность с глубокими историческими корнями, психической и даже гене-

¹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб: Алетейя, 1998. С. 279.

² Калхун К. Национализм. М., 2006. С. 87.

тической основой. Первый чаще всего отождествляют с патриотизмом, но в своих крайних проявлениях он может обретать формы государственной агрессии или изоляционизма. Второй, выходя за рамки культурной деятельности и становясь политической программой, может порождать дискриминацию «других» и сепаратизм. Обе формы имеют социально-конструируемую природу, являясь целиком порождением идей и деятельности людей: политиков и идеологов – особенно на начальных стадиях и более широких масс – по мере распространения явления.

ФУНДАМЕНТАЛИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

Попробуем разобраться в этом соотношении фундаментализма и национализма с точки зрения обсуждаемой нами идеи государства и нации. Поскольку именно от «православных религиоведов» (помимо зарубежных отрицателей) имеет место накат на российский национальный проект, приходится высказать несогласие с нашими оппонентами и некоторыми высокопоставленными позициями. Речь идет о проявлениях антинационального фундаментализма, которые исходят во многом от околоцерковных публицистов, а затем отражаются в выступлениях лидеров церкви и в документах такой влиятельной организации, как Всемирный Русский Народный Собор (ВРНС).

В своих публикациях и в собственной телепрограмме один из ведущих идеологов ВРНС выступает противником концепции полиэтничной гражданской нации, выдавая ее за чуждый либерально-западный проект. Вот как он завершает главу своей книги, посвященную разбору одной из моих публикаций, а также принятой в 2012 г. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации: ««Российская нация» имеет смысл только как синоним русской – но тогда, признать, неясно, зачем без необходимости умножать термины. Да и мнение нации о себе самой кое-чего стоит. Ведь национальная принадлежность определяется не только «треугольником» идентичности, но и внутренним ощущением общности. Оно, это ощущение, не зависит от мнений ученого сообщества. Напротив – консенсус больших групп людей и есть то, что должно быть предметом внимания научного мира. Тогда концептуальные схемы не будут расходиться с реальной жизнью, будут «схватывать» исторический процесс, а не пустоту. Способны ли русские, состоявшись как нация, еще и выполнить

свою миссию – сохранить для мира ценности, лежавшие в основе единой христианской цивилизации? Если они не станут жертвами безответственного «национально-гражданского конструирования» – думаю, да»¹.

Обращение к русской теме, к мировой миссии русской нации хранить основы христианской цивилизации безусловно обладают притягательностью, эмоциональным воздействием и к тому же резонируют с реальными озабоченностями русских людей в России по части их жизненного преуспевания, статуса в разных сферах общественной жизни. Сюда же относится и оправданная озабоченность по поводу зарубежных соотечественников, особенно русских и более широко – русскоязычных людей в странах бывшего СССР. Однако приведенные выше аргументы при всей их, казалось бы, убедительности требуют критического разбора, который выявляет фундаментальную несостоятельность и нереализуемость высказываний, претендующих на понимание той самой, якобы, никем не конструируемой «реальности». А.В. Щипков обосновывает некое подобие новой идеологии под ее разными названиями: «социал-традиционализм», «левый консерватизм», «консервативный социализм» и т.п. Он призывает решить проблему: «Как защитить от разных идеологических конструкторов «простое, “бытовое”, “родное”, традиционное, непосредственное, т.е. коллективный культурный опыт, воспринимаемый в его целостности, подлинности, исторической устойчивости. Как защитить от конструктивистской агрессии аутентичное, спонтанное, эссенциалистское восприятие культуры». Суть этой «духовной репатриации современного общества», по его мнению, «в трансляции от поколения к поколению ценностей и идеалов, культурно-исторического архива общества (например, православ-

¹ Щипков А.В. Вопросы идеологии. М.: Абрис, 2018. С. 237-238.

ной этики и духа солидарности – для русской культуры)»¹.

Одним из центральных тезисов программы для России стал *цивилизационный подход*, который многократно обсуждался на соборных заседаниях ВРНС и отражался в его официальных документах. Про обсуждения этой темы на светских научных собраниях разговор будет ниже. Примечательным было заседание 2013 года под названием «Россия как страна-цивилизация. Солидарное общество и будущее российского народа». На заседании в речи Патриарха Кирилла были сформулированы задачи: осмыслить место России в судьбе человечества, предложить гармоничную форму общественного устройства и дать прогноз на завтра. Патриарх задал вопрос, является ли Россия особой, уникальной, самостоятельной цивилизацией, равновеликой Западу, Индии или Китаю? «На наш взгляд», – сказал он, – «ответ может быть только утвердительным. Едва ли у кого-то из людей, серьезно интересующихся философией истории, это может вызывать сомнения... Одно перечисление выдающихся имен русских и зарубежных исследователей, признававших Россию самостоятельным, самобытным обществом, выглядит внушительно. В этом списке окажутся очень разные люди – такие, как Николай Данилевский, Арнольд Тойнби, Освальд Шпенглер. ... Поэтому на вопрос, является ли Россия самостоятельной цивилизацией в семье крупнейших цивилизаций планеты, мы обязаны дать утвердительный ответ. Да, Россия – это страна-цивилизация, со своим собственным набором ценностей, своими закономерностями общественного развития, своей моделью социума и государства, своей системой

¹ Там же.

исторических и духовных координат»¹. Там же Патриарх также говорил о достижении суверенитета «пространства смыслов, духовных символов, социально-культурного развития» и о «создании собственных инструментов познания – социологических, политологических, культурологических».

Не стоит преуменьшать возможное воздействие стремления РПЦ быть интеллектуальным центром для создания инструментов познания. Помимо духовного окормления верующих и социальной миссии, от имени столь влиятельного института может формулироваться и более широкая повестка. Примечательно, что слову Патриарха на соборах обычно предшествует приветствие Президента Российской Федерации. В этих приветствиях можно прочитать похожие слова о цивилизационной уникальности России и о том же самом Данилевском. В приветствии ВРНС 2018 г. (тема собрания была «25 лет по пути общественного диалога и цивилизационного развития России») В.В. Путин, говоря о важной роли России в мире, сказал следующее: «Это предопределено и нашей традицией, и нашей внутренней духовной культурой, самосознанием и, наконец, самой историей нашей страны как самобытной цивилизации, уникальной, но не претендующей самоуверенно и хамовато на свою исключительность. Потому что невозможно представить историю человечества без таких же неповторимых цивилизаций, как Индия, Китай, Западная Европа, Америка и многих других. Это действительно многоликая сложность, каждая грань которой дополняет и обогащает друг друга. И здесь хочу напомнить слова выдающегося русского мыслителя XIX века Николая Да-

¹ Слово Святейшего Патриарха Русской православной церкви Кирилла на XVII пленарном собрании Всемирного Русского Народного Собора (30-31.10.2013).

нилевского: «...Ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтобы она представляла высшую точку развития...»¹.

В документе XXIII ВРНС (2019 г.) была записана несколько иная констатация: «Исторически сложившееся государственное единство России обеспечивается развитием страны как государства-цивилизации, скреплённой русским языком, русской культурой, русским народом, который выполняет миссию государствообразующего народа»². Таким образом, идеологи ВРНС проводят две основные идеи: Россия – это не нация, а цивилизация, русский народ – создатель этой цивилизации. Вся аргументация здесь носит обращенный в прошлое характер, как по составляющим цивилизацию характеристикам, так и по избранным для отсылки авторитетам. Особо интригуют ссылки-сравнения на Индию и Китай, с которыми может и должна равняться Россия-цивилизация. Данные отсылки побудили нас разобрать опыт национального развития этих похожих на Россию по своим величию и сложности наций-государств.

Надо признать, что усилия православных идеологов находят поддержку, будучи подпитаны аргументами таких союзников, как этнические националисты разного толка, которые не желают никаких других «наций», кроме собственных. Поспособствовали религиозно-консервативному повороту и общие тенденции мирового и отечественного политического климата с его кризисом идеологии либерализма и глобальной рыночной экономики. В смягченной форме в перечень поправок в Конституцию страны вошла поправка и о государствообразующем народе, и не прошли предложения сде-

¹ Выступление Президента России Владимира Путина на XXII ВРНС «25 лет по пути общественного диалога и цивилизационного развития России» (2018 г.).

² Стратегия народосбережения в Российской Федерации на период до 2050 года. XXIII ВРНС «Народосбережение – настоящее и будущее России».

лать запись о российском народе как гражданской нации, или хотя бы упомянуть саму категорию *российский народ*.

Отказ от национального государства, гражданского нациестроительства вызывает озабоченность сторонников утверждения российской идентичности из числа ученых и общественников, представителей правовой науки о государственности. На том же пленарном собрании ВРНС 2013 года в выступлении председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина прозвучали диссонансом его слова, что судьбу своей страны можно воспринимать в сосредоточии на внутренних процессах и настаивать на их независимости от происходящего в мире. «Но рано или поздно этот подход демонстрирует свою недостаточность. Значит, мы возвращаемся к тому, что называется глобальным контекстом». В этой связи Зорькин высказал несогласие с мнением о крахе вестфальской системы национальных государств: «Именно вестфальская система определила содержание понятия «национальное государство», «национальный суверенитет» и т.п. Все те понятия, которые являются фундаментом современного права: и международного, и конституционного.... Создавая конституцию, наполняя ее определенным содержанием, пытаясь соотнести внутреннюю специфику страны с глобальным контекстом, мы все время исходим из ключевого понятия «нация». **Недопустима даже мысль о демонтаже этого понятия** (подчеркнуто мною – В.Т.). ... Но суверенитет в его классическом понимании предполагает обязательное наличие нации и национального государства. ... Оказывается, что для организации здоровой структуры глобального мира пока ничего лучшего не придумано, кроме национальной идентичности, построенной на классическом единстве культуры, истории и образа жизни. Как не придуманы и какие-либо иные правовые конструкции, кроме национальной конституции, способные обеспечить надежное

существование государства. Убежден, что построенную на Вестфальских принципах мировую систему суверенных государств, объединенных ООН, рано сдавать в архив»¹.

Еще более несвоевременна попытка отменить российское и россиян как базовую категорию самоопределения страны и ее народа. Нельзя забывать, что эти понятия существуют со времен Петра Великого и М.В. Ломоносова, были воспеты Н.М. Карамзиным и А.С. Пушкиным. Российскими когда-то назывались наш язык и наша православная церковь пока советская власть не убрала из названия страны само слово «Россия» и его производные. После появления в 1991 г. в названии страны слова «Россия» возврат самообозначения народа по стране стал необходим и неизбежен. Жители страны начали заново учиться называть себя россиянами, хотя не сразу и не повсеместно. Однако в последнее десятилетие российская идентичность вышла на первое место среди всех других идентичностей наших жителей, а употребление слова *россиянин* в системе Яндекса за последний год выросло почти в десять раз! Как и в прошлом, ныне российское расширяет русское до масштабов всей страны и обе категории не отменяют друг друга, а пребывают в обязательном единстве. Такой же не взаимоисключающий подход мы предлагаем для категорий *нация* и *цивилизация*.

¹ Выступление председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина на XVII пленарном собрании Всемирного Русского Народного Собора (30-31.10.2013).

И НАЦИЯ, И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Итак, мы выявили два фундаментальных противопоставления, по которым необходимы разъяснения. Первое: Россия – это нация или цивилизация? Наш ответ однозначный: Россия – и нация, и цивилизация, как те самые Китай и Индия. Второе: как называть нацию в России: русская или российская? Ответ однозначный: есть русская нация и есть российская нация, как две разных и не исключających друг друга формы идентичности (или самосознания), и я, как и сто миллионов моих сограждан, считаю себя и русским, и россиянином.

Речь идет об очень важной вещи – понимании страны и нас самих. Речь идет о таком большом проекте, как страна и нация. Ключевым ресурсом этого проекта являются не только материальные ресурсы в виде географических пространств и природных запасов, сильной экономики и оборонной системы, но и адекватное понимание и эффективное управление обществом. Последнее невозможно на основе нищей философии и конъюнктурной экспертизы. Оно возможно на основе качественной и ответственной науки и политики.

В России в самое последнее время разговор на тему нации-цивилизации пошел в разные стороны, что было бы не так плохо, если бы за этим не следовала политическая стратегия высокого уровня. Напомним позицию активно пишущего историка А.И. Миллера: «На самом деле идея, что нация – это норма и что nation state – это норма, серьезными политологами уже давно оставлена. Есть масса различных форм государственных образований, которые в той или иной степени мимикрировали под национальное государство просто потому, что до недавнего времени Запад абсолютно доминировал в международных отношениях. Действительно приходилось верить в казалось бы незыбле-

мое, что демократия, нация и благосостояние – это такой пакет, причем благосостояние идет за демократией как ее результат. Но от этого мало что осталось сегодня»¹. Точно также Миллер считает, что «миф все включающей нации, каковая якобы существует в западных странах, уже умер. Миф о том, что nation state — обязательно самая успешная форма, тоже умер, и что это непременно ведущая к демократии форма»².

Но тогда что же осталось как вариант для России и для остального мира? Россия – «это просто не национальное государство, – пишет Миллер. – Это государство, в котором существует целый ряд политически мобилизованных групп, которые считают себя нациями. Если это случилось, то уже “фарш невозможно повернуть назад”».

Мы уже писали в защиту современных наций-государств от похоронных высказываний А.И. Миллера³. Последнее замечание в нашей критике Миллера, – это вопрос, можно ли «повернуть фарш назад» в том смысле, что в России целый ряд «политически мобилизованных групп» уже считают себя нациями? Это слабый, хотя и воздействующий на обыденное сознание и на политико-правовое мышление аргумент. Казалось бы, уже стало аксиомой и зафиксировано всеми справочно-энциклопедическими изданиями, что содержание понятия «нация» не только менялось по ходу истории, но и в современном мире существуют два отличающихся концепта нации, его бытования и политического использования: *гражданской/политической нации* и *этнической/культурной нации*. Элементы того и другого могут понижать друг друга, трансформироваться из одной формы в

¹ Полит.ру. 06 июля 2020: 19.12. А.И. Миллер. Нация или могущество мифа.

² Там же.

³ Тишков В.А. Нация, национализм, нациестроительство // Россия в глобальной политике. 2021. № 2 (108). С. 42-62.

другую, но тем не менее это разные, хотя и сосуществующие концепты. Между ними есть в зависимости от конкретных форм проявления соперничество и даже казалось бы порою непреодолимый конфликт. Именно по этой причине мною еще в начале 1990-х гг. была предложена трактовка нации как политически и эмоционально нагруженной *метафоры самообозначения*, за исключительное обладание которой борются две формы социальных коалиций людей: сообщества по суверенному государству (согражданства) и сообщества по культурной схожести (этнические общности)¹.

Примеров существования наций внутри наций более чем достаточно, причем, это далеко не обязательно вариант борьбы подчиненной нации против господствующей нации за свое самоопределение, понимаемого как выход из общего социополитического пространства, за «свою государственность». Такие «политически мобилизованные группы», а точнее этнические общности или регионально-культурные сообщества существуют далеко не только в России, а фактически во всех современных крупных государствах, где есть свои «внутренние нации». Таких «политически мобилизованных групп», которые считают себя нациями, имеются десятки в других стран: от французских Корсики и Бретани до Шри Ланки и Австралии. Везде в этих странах государство и общество обосновывали и утверждали концепцию общей нации, несмотря на откровенных противников.

Как эти ситуации разрешаются, регулируются, управляются без «мясорубки и фарша», специалистам хорошо известно: пусть и не везде успешно и бесконфликтно, но в целом это делается в рамках общего государства-нации. В принципе общие рецепты предотвращения/разрешения конфликтов, до-

¹ Тишков В.А. Что есть Россия? (Перспективы нациестроительства) // Вопросы философии. 1995. № 2. С. 3-17; Он же. Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3-26.

стижения согласия и основы современного нациестроительства в полиэтничных государствах нами и другими авторами уже неоднократно излагались¹. Главный смысл всех этих рецептов — это инклюзивный подход к нациестроительству и понимание нации как культурно сложного (поликонфессионального и мультиэтничного) сообщества без запретов на автономию и даже «национальную самокатегоризацию» групп большинства и меньшинства в рамках одного государства.

Если концепт нации и сама реальность национального государства — это уходящая натура даже для прародительницы Европы и для России вариант совсем не подходящий, если остальная «масса государственных образований» только микрирует под национальную идею, а на самом деле представляет собой некие иные, неназываемые сущности, тогда что же остается как идея страны и как вариант государственного строительства для России? Здесь у нас фундаментальные расхождения с могильщиками нации и национальных государств, а заодно и гражданского национализма как идеологии и практики государственного устройства и управления культурно сложными нациями современности. Наша позиция

¹ Karl Deutsch, William Folt, eds, *Nation Building in Comparative Contexts*. New York, Atherton, 1966; Crawford Young. *The Politics of Cultural Pluralism*. Univ. of Wisconsin Press, 1979; Donald Horowitz. *A Democratic South Africa?: Constitutional Engineering in a Divided Society*. Univ. of California Press, 1991; Национальная политика в Российской Федерации: материалы Международной научно-практической конференции. Липки, сентябрь 1992 г. Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 1993; Этничность и власть в полиэтничных государствах: Сб. статей. Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 1994; *Europe's New Nationalism. States and Minorities in Conflict*. Ed. By Richard Caplan and John Feffer. Oxford Univ. Press, 1996; *Ethnicity and Power in the Contemporary World*. Ed. K. Rupasinghe, V. Tishkov. Tokyo: United Nations Univ. Press, 1996; Timothy D. Sisk. *Power Sharing and International Mediation in Ethnic Conflicts*. Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 1996; Национализм в мировой истории. Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007; Этничность и религия в современных конфликтах. Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2012; Культурная сложность современных наций. Под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой. М.: РОССПЭН, 2016; Andreas Wimmer. *Nation Building*. Princeton Univ. Press. 2018.

заключается в том, что на нынешнем горизонте эволюции человеческих сообществ нет более значимой и всеохватной социальной коалиции людей, чем национальные государства. Именно nation-states обеспечивают важнейшие экзистенциальные потребности и права современного человека: от территориально-ресурсного и организационно-хозяйственного жизнеобеспечения до устройства и поддержания социальных институтов, правовых норм общежития, воспитания, просвещения и окультуривания населения через поддерживаемыми государством системы. Государства обеспечивают гражданскую солидарность, предотвращают конфликты и насилие, защищают от внешних угроз и глобальных вызовов.

Более того, в условиях таких глобальных кризисов, как пандемия коронавируса, рассуждения о кризисе и сходе с арены наций-государств выглядят более чем наивными. Как пишет британский антрополог Дэвид Геллнер, «события 2020 года стали мощной демонстрацией того, что упадок наций-государств в век сверхглобализации и т.н. потепления, как и в свое время известие о смерти Марка Твена, оказался, говоря словами последнего “очень сильным преувеличением”. По всему миру, с характерными местными отличиями в Северной Америке, Восточной Азии, Скандинавии и Южной Азии, в реальном времени происходит масштабный транснациональный эксперимент в области обществоведения и в реализации разных стратегий разными странами». По мнению ученого, «мы проживаем момент радикального исторического поворота, когда перед лицом экзистенциальной угрозы “старые боги неолиберализма летят в печку на сжигание”. Пренебрегая “законами рынка”, который, как полагали, должен всем и всеми управлять, именно государства берут на себя главную ответственность, чтобы решать порожденные ковидом проблемы»¹.

¹ Gellner D.N. The nation-state, class, digital divides and social anthropology / Social anthropology. 2020. Vol. 28. N. 2. P. 270-271.

Нам нечего добавить к этому заключению, кроме других подобных примеров, в том числе и о ключевой роли государства в период пандемии в России.

Российское государство с его развитой системой здравоохранения и фундаментальной науки, обладающее способностью к “дисциплинированию” населения, то есть к проведению политики убеждения, прямого или косвенного предписания поведения институтов и граждан, проявило себя способным преодолеть столь грозную напасть, как пандемия. Как отметила одна из исследовательниц, “система мероприятий, осуществлённых государством в период пандемии, и жёсткий контроль за их соблюдением убедили большинство населения в преимуществах централизованной административной власти, исторически традиционной для российской политической системы”. Можно согласиться с её выводом, что “разрешить проблемы, вызванные развёртыванием пандемии, может только сильное государство, основанное на единстве народа и государственной власти, деятельность которой ориентирована на социальное доверие, обеспечение условий для развития человека”¹.

¹ Гаранина О.Д. Российские реалии в контексте пандемии // Кронос: общественные науки. 2021. № 1(21). С. 30 -31. См. также: Тишков В.А., Бутовская М.Л., Степанов В.В. Общество и государство в России и мире в период эпидемии коронавируса // Вестник Российской академии наук, 2022, т. 92, № 8, с. 82-94.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

О возвращении национальных государств на мировую арену на фоне глобальных кризисов и кризисов межгосударственных и блоковых образований, о жестком отстаивании ими своих национальных интересов и суверенитета, о возвращении национализма в его гражданско-государственной форме писал недавно известный политолог Анатолий Ливен. Он особо выделил роль общественных мотиваций и мобилизации на основе идеи нации, которые лежат в основе легитимности и успешности современных государств. Как пишет этот специалист по проблемам национализма, «величайший источник и залог силы государства – не экономика и не размер вооружённых сил, а легитимность в глазах населения и всеобщее признание морального и юридического права государства на власть, на исполнение его законов и установлений, на способность призвать народ к жертвам, будь это налоги или, если понадобится, воинская повинность. Не имея легитимности, государство обречено на слабость и крах; или же ему придётся прибегать к жестокости и устанавливать правление на основе страха. Фундаментальная слабость Европейского союза в сравнении с отдельными странами–членами ЕС состоит в том, что в глазах большинства европейцев он так и не добился настоящей легитимности, будучи псевдогосударственным образованием»¹.

Напомним, что в основе легитимности государств лежат разные факторы и обстоятельства. Среди них важен сам факт их длительного существования и преемственности т.н. исторической государственности, «создающее впечатление, будто данное государство есть неотъемлемая часть

¹ Ливен А. Прогрессивный национализм. Почему национальная мотивация нужна для развития реформ // Россия в глобальной политике. 2020. № 5. С. 25.

естественного порядка вещей»¹. Важны также успешность самого правления, которое население признает и поддерживает. Здесь особо значимы то, как как институты и правители справляются с задачами сохранения порядка и внутренней безопасности, а также с внешними угрозами. Уже после второй мировой войны определенную легитимность государствам придавала демократия как власть большинства и законно избранных правителей. «Но, как обнаружили для себя многие демократические и полудемократические государства в прошлом столетии, одна лишь демократия не может бесконечно сохранять государство, если в обществе есть глубокий раскол и власти не добиваются жизненно важных для населения целей. Для легитимности государства необходим более основательный источник легитимности, коренящийся в общем чувстве национальной принадлежности. В современном мире величайшим и наиболее долговечным источником этих чувств и легитимности государства является национализм»² – пишет А. Ливен.

Мы также неоднократно высказывали мысль, что государства делают не просто территории с охраняемыми границами, не только столицы с госучреждениями, конституции и символика, а государства делает легитимным и жизнеспособным прежде всего население, обладающее общеразделяемым чувством национального самосознания, когда каждое живущее в этом государстве поколение проходит через своего рода повседневный референдум на приверженность и сопричастность к этому государству как к своему Отечеству. Можно все это назвать страновым или гражданским национализмом, можно назвать патриотизмом, а можно назвать национальным самосознанием (идентичностью). Различия здесь несущественные, скорее они

¹ Там же. С. 25.

² Там же. С. 26.

лежат в страновых традициях обществознания и обыденного словоупотребления¹.

Национализм предполагает, что каждая страна должна управлять собой без вмешательства извне, что нация является основой для государственного устройства и что единственным законным источником политической власти является народ. Национализм выступает за утверждение национальной идентичности, основанной на общих социальных характеристиках, таких как историческая память, ценности и традиции, культура и язык, а во многих случаях также религия и политическая философия об идее нации. Именно последняя во многих трудных случаях нациестроительства из-за внутри общественных разломов обеспечивала солидарное единство нации, преодолевая противоположные интересы классов, региональных и этнических сообществ, расовых и кастовых групп. А. Ливен справедливо пишет: «За исключением коммунизма в течение его непродолжительного революционного периода, ничто в современной истории не может сравниться с национализмом в качестве источника коллективных действий, добровольных жертв и, конечно, государственного строительства. Другие элементы личной идентичности могут быть важны для каждого человека в отдельности, но они не создают крупных и долговечных институтов (за исключением мусульманского мира, где религия сохраняет сильные позиции)»².

Национализм в его проявлениях в экономике, политике, культуре и идеологии оказался и в новейшее время зачастую спасительной стратегией сохранения государственности, обеспечения солидарности народа в условиях кризисов и внутренних конфликтов. Большинство политических

¹ См.: *Тишков В.А.* Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.

² *Ливен А.* Прогрессивный национализм... С. 26.

руководителей больших и малых стран («лидеров нации») являются по своим убеждениям и действиям в разной степени националистами, т.е. национальные интересы страны являются для них главными приоритетами, и они их отстаивают всеми доступными им средствами.

Надо сказать, что именно этот вариант национализма и его сердцевина – общероссийский патриотизм оказались важнейшей опорой для преодоления кризисных и чреватых дезинтеграцией явлений 1990-х годов в нашей стране, удержали страну от нового раунда дезинтеграции. Невозможно игнорировать значение патриотической мобилизации народа всей страны и ее отдельных регионов (например, Дагестана) в ситуациях внешних вторжений международных террористов, олимпийских мероприятий, общероссийского консенсуса в отношении присоединения Крыма, почитания Дня Победы и павших в Великой Отечественной войне. Это, конечно, по своей сути массовые проявления национализма гражданского толка, хотя мы предпочитаем называть это более привычно патриотизмом.

Несмотря на то, что в отечественной общественно-политической практике проблема гражданского национализма как бы не обсуждается, в реальности она присутствует в риторике о государственном патриотизме, в деятельности органов власти и многих институтов гражданского общества, не говоря уже о публицистике и медиа. С заявками на общегосударственный патриотизм могут выступать представители этнического национализма от имени доминирующей общности русских, потому что смысловая дистанция между «русским» и «российским» исторически и по факту реальной жизни минимальная и взаимно проницаема. В этом случае грань между этническим и гражданским (государственным) национализмом стирается. Но при всем при этом именно оформленная территориальными границами и

фиксированным гражданством государственная общность имеет больше оснований называть себя нацией, чем сообщество на основе этнической идентичности и культурной схожести. Категория гражданской нации более приемлема для полиэтнических и многоконфессиональных сообществ и менее конфликтна, чем понятие этнонации¹.

В противоречие тезису, что nation-state уже отжившая норма, которую, якобы, давно оставили серьезные обществоведы, проблема нации и национализма остается одной из центральных в мировом идеологическом багаже и одной из основ организации суверенных сообществ-государств. Я убежден, что *в сегодняшнем мире и, возможно, ещё очень длительное время единственной по-настоящему популярной силой, сохраняющей привлекательность и дающей возможность перспективного мышления, остается идея нации и идеология национализма*. Так что это очень большой вопрос насчет смерти нации, национализма и nation-state как в старой и давно национализированной Европе, так и в остальном активно национализирующемся мире.

Эти обретающие суверенитет страны многое бы отдали, чтобы иметь у себя больше национализма и более сплоченные национальные сообщества. Никто из них не снимает эти задачи с повестки дня государственного строительства, о чем речь пойдет ниже. Поэтому, чтобы избежать упрощенных обвинение в адрес российского национального проекта и его сторонников под тем предлогом, что концепт гражданской нации для России никак не подходит, рассмотрим опыт нациестроительства в других крупных государствах мира, исходя из постулата, что при всем своеобразии нашей страны, она во многом схожа по вопросам общественного устройства и государственного строительства с другими

¹ Тишков В.А. О нации и национализме. Полемические заметки // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 31-37.

странами. Интеллектуальный изоляционизм и высокомерие здесь не в помощь. Полезнее сравнения с опытом больших стран, история и культура которых позволяют применять в отношении их термин «цивилизация».

ОБ ИНДИИ

Уже накануне провозглашения независимости Джавахарлал Неру размышлял об идее нации: «Трудно дать определение понятия нация. Возможно, что основная характерная черта национального сознания заключается в чувстве принадлежности к одному целому и противопоставление этого целого остальному человечеству. Можно спорить о том, насколько сильно это чувство в Индии в целом. Можно даже утверждать, что в прошлом Индия развивалась как многонациональное государство и что постепенно возникало национальное сознание. Но все это — теоретические абстракции, которые мало интересуют нас. В настоящее время самые мощные державы являются многонациональными государствами, и в то же время там развивается национальное сознание, как, например, в США или в СССР... Позиция Конгресса была так тесно связана с делом освобождения Индии как единой нации, что все остальное отступало на задний план, а это вело к непрерывным конфликтам и трениям с английскими властями. В лице Конгресса индийский национализм противостоял английскому империализму»¹.

Огромное значение имело принятие в 1949 г. Конституции Индии. Преамбула конституции гласит: «Мы, народ Индии, торжественно решив учредить Индию как Суверенную Социалистическую Светскую Демократическую Республику и обеспечить всем ее гражданам: Справедливость, социальную, экономическую и политическую; Свободу мысли, выражения мнений, убеждений, вероисповедания, культов; Равенство положения и возможностей, а также содействовать распространению

¹ Джавахарлал Неру. Открытие Индии. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1989. Книга первая. С. 181–182.

среди всех них Братства, обеспечивающего достоинство личности и единство и целостность Нации»¹.

Правительство Дж. Неру осуществило меры по присоединению к Индии более 500 в прошлом независимых княжеств, а также французские и португальские колонии, тем самым территориально оформив пространственное очертание индийской нации. В январе 1950 года по инициативе Неру Индия была провозглашена светской и демократической республикой. Говоря о нациестроительстве в Индии, невозможно обойти фундаментальный фактор раскола этого общества по этнореligиозному признаку, своего рода конфликт между доминирующим большинством и остальным населением страны. Этот конфликт двух подходов в понимании сущности нации и государственности чем-то схож с российской ситуацией и по этой причине особенно ценен для сравнительного анализа. В Индии идея нации на основе гражданского (инклюзивного) общеиндийского национализма столкнулась с давним и растущим в последние десятилетия этнореligиозным индусским (эксклюзивным) национализмом. Напомним, что индийский национализм Ганди и Неру стоял за единство политической нации независимо от религиозной и этнической принадлежности, а индусский национализм требует привилегий индусам как «государствообразующему народу» под лозунгом «Индия для индусов». Последний активно использует религиозный фактор, отождествляя «истинных индийцев» с приверженцами индуизма, которые, якобы, подвергаются дискриминации в своем государстве, хотя и составляют его историческую основу и демографически больше других групп населения (мусульман, христиан, будистов, сингхов и т.д.). По разным оценкам, индусы составляют 80%, а мусульма-

¹ Цитир. по: Конституции зарубежных государств: Уч. пособие / Сост. проф. В.В. Маклаков. – 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2003.

не 16% населения страны. Как пишет В.А. Шнирельман, «с самого начала индийский национализм содержал в себе определенные религиозные компоненты, и перед лидерами освободительного движения постоянно стоял вопрос о том, как строить нацию в условиях поликонфессиональности и можно ли это сделать вообще». Здесь главным оппонентом была идеология *хиндута*, «индусского культурного национализма», которая содержала в себе обращение к генетическому наследию и общей крови, к некоему изначальному индуизму эпохи Вед и Упанишад, представляя собой гегемонистский проект североиндийского брахманизма. Этот дискурс включает в себя «цивилизационную» компоненту («индусская цивилизация»), а «сам индуизм представляется не столько религией, сколько образом жизни и набором универсальных норм поведения, которые стоят выше всех других религиозных традиций»¹. Кстати, «отцы нации» – Ганди и Неру не скрывали своих симпатий к индуизму. Но Джавахарлал Неру считал, что в такой стране, как Индия, где существует много религий, невозможен никакой иной национализм, кроме секулярного.

Первоначально Неру хотел, чтобы индийские штаты оставались полиэтническими и многоязычными административными образованиями, как во времена британского правления, но со временем штаты были реорганизованы с учетом этноязыкового фактора. А в результате расширения хиндиязычной культуры и политического индуизма язык хинди стал основным государственным языком Индии. Английский язык, который широко используется в бизнесе и администрации, получил статус «вспомогательного официального языка»; он также играет большую роль в

¹ Шнирельман В.А. Религия, национализм и межконфессиональный конфликт в Индии // Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М.: Наука, 2012. С. 58–59

образовании, в особенности в среднем и высшем. В годы премьерства Индиры Ганди и Раджива Ганди власти стали все активнее использовать индусскую символику, поступаясь принципами светскости. Рост напряженности между индусами и мусульманами вызывал череду конфликтов и погромов, самым из известных из них был конфликт вокруг храма в Айодхье в 1992 году. В этой ситуации роль политического индуизма в последние десятилетия стала возрастать. Определенным вызовом для гражданского национал-строительства стал приход к власти политической партии «Бхаратийя джаната парти» (БДП), олицетворявшей индусский «культурный национализм». БДП настаивала на смене государственной символики (заменить трехцветный флаг на шафрановый, а сочиненный Рабиндранатом Тагором гимн ведическими песнопениями и т.д.). Они ставили цель создания «индусского государства», включение в Конституцию страны тезиса о религии как главной идентичности Индии. Присущая этой части индийской элиты приверженность «самобытности» сказывалась на подозрительном отношении к модернизации, которая, по мнению фундаменталистов, ведет страну к цивилизационному кризису¹.

Этот новый не общеиндийский, а *индусский* национальный проект внедрялся в стране с помощью всевозможных механизмов воздействия на массовое сознание. Именно почвеннические настроения, обращение к корням, традиционным ценностям охватили общественный климат в стране после того, как в начале 2000-х к власти пришла БДП с ее идеологией *хиндутвы*. Началась «индуизация» населения Индии через разные каналы, в том числе и экранизацию знаменитых эпосов «Махабхарата» и «Рамаяна». В итоге

¹ О современном индуизме см.: Клюев Б.И. Политический индуизм // Древо индуизма. Под ред. И.П. Глушковой. М.: 1999; Мезенцева О.В. Роль индуизма в идеологической борьбе современной Индии. М., 1985.

длительных и последовательных усилий к началу 2000-х гг. лидеры БДП и последователи индуизма завоевали симпатии части населения, наступил момент, когда для многих в стране «Родина, индийская идентичность и индуизм представлялись единым нерасчленимым целым»¹.

Интересно развивается ситуация в Индии в последние годы, когда у власти находится лидер БДП Нарендра Модди. Несмотря на внутренние конфликты, сепаратистские регионы, религиозный фанатизм части населения, все же *существующий в Индии демократический строй не позволяет индуистскому фундаментализму стать доминирующей силой в обществе и похоронить идею гражданской нации*. Здесь подходы обрели несколько иные формы, больше ориентированные на технологический прогресс, культурное развитие и просвещение нации, преодоление бедности и социальных расколов. Особо следует сказать, что на современном этапе нациестроительства в Индии на первый план вышли задачи выхода страны на передовые позиции в мире в области науки и технологий, а вслед за этим – общее развитие и улучшение условий жизни индийского народа. Понятие научного подхода выдвинуло перед Индией как нацией задачу преодоления внутренних разделов и отсталости населения. **Можно** назвать много примеров ключевой роли науки и технологий в современном индийском нациестроительстве.

Таким образом, при всех величии и загадочности Индии как страны и как цивилизации с 1947 года существует суверенное государство под этим названием и в его нынешней пространственной и политической конфигурации. Что держит эту субконтинентальную нацию с огромными проблема-

¹ Шнирельман В.А. Указ. соч. С. 69-71. См. также: Ключев Б.И. Религия и конфликт в Индии. М.: 2002; Глушкова И.П. Боги здесь и сейчас: индуистская мифология как инструмент создания североиндийской идентичности // Южная Азия: конфликты и компромиссы // Ред. Е.Ю. Ванина, А.А. Куденков. М.: 2004.

ми, противоречиями, сохраняющимся разнообразием и выдающимися достижениями вместе как единое и целостное образование в системе современных государств? И вот что пишет по этому поводу С. Кхилнани: «Не требуется много усилий по части исторической аргументации, чтобы показать фиктивную, спиритуалистскую природу всех наций. И все же нет другой современной идеи, которой удалось бы собрать и сделать сильными даже очень разные чувства идентификационной связи с, казалось бы, чуждым аппаратом государства». Сам по себе проект государства на основе модели конституционной демократии, положенный в основу индийского государства, возможно, не является идеальным, но он наиболее эффективный среди всех других. Лояльность и идентичность в современном мире в своей основе имеют политическую природу. «Религия, язык, культура, экономическая связанность: все это помогает укреплять чувство принадлежности. Но в конечном итоге **идентификация по государству и лояльность к государству должны поддерживаться и укрепляться через постоянно воспроизводство согласия** (выделено мною – В.Т.)»¹.

Безусловно, для России все эти выводы имеют огромное значение в силу схожести двух крупнейших стран мира с богатой и разнообразной историей и культурой и с не всегда высоким уровнем профессиональных компетенций по части экспертного обеспечения decision-making и политического менеджмента в целом. Президент В.В. Путин однажды высказал сожаление, что по вопросам большой стратегии «после смерти Махатмы Ганди и поговорить не с кем». И это было более чем адресное сожаление, ибо именно Махатма Ганди, а после него Джавахарлал Неру и Индира Ганди, положили в основу строительства государственности в полиэтнической и полной регионально-религи-

¹ *Sunil Khilnani. The Idea of India. L.: Penguin Books, 1997. P. 203-204.*

озных конфликтов стране объединяющую идею индийской нации, и эта «идея Индии» именно как форма самосознания (идентичности), а не как некая формируемая культурно-гомогенная целостность, сохраняет эту страну уже много десятилетий и способствует ее динамичному развитию. Этому рецепту следуют многие крупные страны с культурно-сложным населением, получив в подкрепление недавнее подтверждение, что именно «нации-государства», а не некие мировые правительства, континентальные союзы или цивилизации остаются главными формами социальных коалиций людей, способными преодолевать разного рода кризисы (от пандемий до экологии и экономики).

Из всех возможных уроков для России нам представляется наиболее важным тезис о «постоянном воспроизводстве согласия» среди населения по части национальной (российской) идентичности и лояльности государству. Об этом в заключительном разделе книги.

О КИТАЕ

Программным для начального этапа нациестроительства в этой древней стране стал труд Сунь Ятсена «Три народных принципа», которые означали: *национализм, народовластие и народное благоденствие*. Принцип национализма подразумевал освобождение Китая от господства империалистических держав. Чтобы достигнуть этой цели, Сунь Ятсен считал необходимым развивать именно гражданский национализм (в противоположность этноцентризму и сепаратизму) и объединить различные народности Китая, прежде всего пять основных народностей: *ханьцев, монголов, тибетцев, маньчжуров* и мусульман (в частности, *уйгуров*). Единство пяти народностей символизировал пятицветный флаг Китайской республики, которая существовала в 1911—1928 годах, а сегодня это пять звезд (одна большая в окружении четырех поменьше). Сформулированная Сунь Ятсеном идея государства-нации Китая заключала в себе не только конфуцианскую традицию единой семьи и общей судьбы, но привносила в традиционный ценностный арсенал категории и понятия западного модерна (сам Сунь Ятсен был протестантом по вероисповеданию). К учению «о трех народных принципах» до сих пор сохраняется апелляция в преамбуле Конституции КНР. Три народных принципа: национализм (в китайском переводе это звучит как «народизм» или «народность», а не как этническая общность), народовластие и народное благосостояние — соотносятся, соответственно, с факторами национальной суверенности, идущего снизу государственно-политического управления и основанного на социалистической эгалитарности развития.

Большим испытанием для китайского народа была вторая мировая война и понесенные в ее ходе огромные жертвы, но именно эти жертвы и совместная борьба против японских милитаристов стали одной из опор будущей

общенациональной консолидации. Период существования Китайской народной республики после 1949 года был временем утверждения авторитарного коммунистического режима с задачей построения социализма, сначала по советским лекалам, а затем – «с опорой на собственные силы». Но это было и время интенсивной интеграции прежде всего ханьского населения страны, а вместе с этим выработки оптимальной для условий Китая национальной политики в отношении меньшинств. Именно при коммунистическом режиме были заложены основы государственного устройства и политики национальной консолидации.

Необходимость модернизации страны и сохранения ее целостности выдвинули перед Китаем задачу обновить старую революционную идею «государственной семьи», сформулировать концепт «государственной нации». Следует учесть, что никогда в истории не существовало единой общности *хань*, а сам этот термин обозначал население империи династии Хань в первые века нашей эры, когда под одним политическим правлением среди местных племен появляются некоторые общие черты культуры и самосознания. Однако на протяжении всей истории среди ханьцев существовали различия, в том числе и в языке, которые были сильнее, чем, например, между восточнославянскими группами, составлявшими население древней Руси, а затем – три народа: русских, украинцев и белорусов.

Именно консолидация хань была основой проекта для формирования единой китайской нации. Вместе с этим не менее важной была задача объединения обширной этнической периферии страны вокруг основного населения. Эта этническая периферия была совсем немаленькой, и ее формализация была сделана через установление официального перечня 55 этнических групп меньшинств (некоторые исчисляются десятками миллионов человек),

которые получили название *миндзу* (народности). А для обозначения всех китайцев как национальной общности стало использоваться понятие *чжунхуа миньцзу* или «нация Китая», а точнее было бы перевести «нация народностей», ибо ханьское большинство также считается одним из миндзу, делая тем самым общее число «народов Китая» – 56 групп. С 1990-х гг. национальная политика страны направлена на создание «полиэтнического национализма», «национализма всей китайской нации»¹.

Изначально в рамках национальной идеи присутствует точка зрения о культурной самодостаточности и сосредоточенности Китая не просто как нации, но цивилизации, хотя в самом Китае это понятие никогда не используется. По заветам Конфуция Китай продолжает считать себя Поднебесной или Срединной империей. Таковым, кстати, довольно часто считают его и внешние акторы. Посредством своей самопрезентации китайская нация утверждает мысль о национальном превосходстве и одновременно о преодолении исторической травмы, когда Китай был полуколонией западных государств. Для национального самосознания китайцев большое значение имеет память о прошлых несправедливостях: об «опиумных войнах», о «боксерском восстании», о разрушенной европейцами резиденции цинских императоров Юаньшиньюань, которую власти сознательно не восстанавливали как свидетельство культурной ксенофобии Запада. По мнению известного китаиста В. Гельбраса, стратегия развития Китая подспудно мотивируется идеей «отмщения за почти 100-летнее унижение со стороны империалистических государств, в том числе России»².

¹ Москалев А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999). М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 70, 103.

² Гельбрас В.Г. Китайская Народная Республика: возрождение национальной идеи // Национальная идея: история, идеология, миф. М., 2004. С. 256.

По мере проведения экономической модернизации в Китае утверждались политические и культурные характеристики обновленной национальной идентичности. Эта новизна заключалась в том, что представления об исключительности и превосходстве китайской нации отныне опирались не только на духовную культуру, но и на лидерство в технологиях и экономике в целом. «Великое возрождение китайской нации» предполагало сплочения общества с опорой на развитие «китайского духа» в сочетании с широкой исторической трактовкой «китайского пути». Это предполагало унаследование традиционной культуры, китайской системы ценностных воззрений. Стремление отыскать корни «китайской мечты» в традиции стимулирует попытки рассмотрения и древних китайских мифологем (гармония, забота о народе, патриотизм, моральное совершенствование).

Свои акценты в трактовке культурного наследия и специфики Китая Си Цзиньпин обозначил в четырех тезисах. Во-первых, у каждой страны и у каждой нации разные исторические традиции, культурное наследие, базовая национальная специфика, поэтому путь развития обязательно обладает собственной спецификой. Во-вторых, китайская культура вобрала в себя глубокие духовные поиски китайской нации – это неустанное порождение жизни китайской нации, развитие ее добросердечия. В-третьих, китайская традиционная культура является выдающимся преимуществом китайской нации, самой основательной «мягкой силой». В-четвертых, социализм с китайской спецификой укоренен в плодородной почве китайской культуры, отражает желания китайского народа, соответствует требованиям Китая и эпохи прогресса, обладает глубокими исто-

рическими истоками и реальной основой¹. Таким образом, *традиционная китайская культура более не является антитезой современного пути страны – напротив, она выступает источником его исторической легитимности.*

Как понимать и трактовать современный Китай: как нацию-государство или как цивилизацию? Последний, в основе своей натурфилософский, подход т.н. «цивилизационистов», написавших целый том по этому поводу², вдруг обнаруживает диссидентов в их собственных рядах. Один из авторов, призывая «быть проще и точнее», пишет: «Нужно ли нам слово “цивилизация” для объяснения причин китайского подъема? Не уверены. Как мы попытались показать, подъем этого мега-государства базировался на универсальных и в том числе методических, основаниях, хорошо известных всякому человеку, родившемуся в СССР или КНР. Это исторический материализм, дополненный практическим ленинизмом Дэн Сяопина. Разумеется, не помещало и многое действительно полезное, наработанное на Западе и Востоке. Добавим, что измерения “цивилизационного” в основном производятся различными обществоведами за рубежами Китая. Во многом эти интеллектуальные искания направлены на выявление некой особой идеальной субстанции – “китайского предпринимательского (трудлюбивого) духа” – наподобие “протестантской этики”»³.

Надо сказать, что нас вообще смущает деление мира на отдельные «цивилизации», занявшее многие умы в

¹ Си Цзиньпин: Иши синтай гунцзо ши дан дэ и сян цзи дуань чжунъяо дэ гунцзо [Си Цзиньпин: Идеологическая работа – это чрезвычайно важная работа партии]. Синьхуа, 20 авг. 2013. <http://politics.people.com.cn/n/2013/0820/c1024-22634056.html>

² Китайская цивилизация в глобализирующемся мире. По материалам конференции. В 2-х тт. / Отв. ред. В.Г. Хорос. В 2 томах. М.: ИМЭМО РАН, 2014.

³ Салицкий А.И. Истоки подъема Китая и цивилизационный дискурс // Китайская цивилизация в глобализирующемся мире... Т. I. С. 150.

XXI веке. Как пишет А.И. Салицкий, «раньше как-то неплохо обходились “мировой цивилизацией” и национальными культурами. Как реакция на практические неудачи в модернизации и глобализации отдельных стран “цивилизационный дискурс” вполне объясним, равно как и желание защититься от культурной и информационной экспансии Запада. Но это – реакция оборонительная, консервативная, что неплохо, но грозящая фундаментализмом и отступлением от научного подхода. Хорошие абстракции и четкие научные определения имеют свойство облегчать существование человечества. Но из этого не следует, что введение категории “цивилизации” (во множественном числе), ставшее особенно популярной после работы С. Хантингтона, является необходимым для анализа социально-экономического развития и особенно – международных отношений. Работа с “цивилизациями” в означенной сфере таит не только теоретические опасности, вытекающие из принципа экономии мышления. Есть политическая опасность избыточного применения цивилизационного подхода. Представляя мир в качестве совокупности “цивилизаций” – китайской, индийской, западноевропейской, американской, российской, – мы рискуем. Можно не заметить в этой совокупности отдельные страны – из-за неопределенности их “цивилизационного” положения, небольшого размера, смешанности существующих в них культур, этносов и т.п. Во-вторых, вводя в политический оборот термин “цивилизации”, мы, помимо прочего, сами ставим под сомнение основы деятельности ООН, в основных документах которой этого термина, к счастью, пока нет. В какой-то мере С.Хантингтон нас “купил”, заставив копаться в этнокультурном, а также “духовном и возвышенном”»¹. «Не думаю, – пишет А.И. Салицкий, – что дядюшка Сэм Хантингтон специаль-

¹ Там же. С. 150–151.

но совершил интеллектуальную диверсию. Но то, что вы, господа российские гуманитарии, were taken in “цивилизационным дискурсом”, не подлежит никакому сомнению»¹.

В противовес отечественным «цивилизационистам», одержимых неотойнбизмом-хантингтонизмом, в Китае не дали себя запутать модной фразеологической шелухой. Китайские мыслители и политики справились с решением этой задачи, маневрируя и используя, в том числе, «цивилизационную» риторику, но предпочитая простые и практичные формулировки задач самоопределения и развития и для корректировки идеи нации. Кстати, и термин *чжунхуа миндзу* был введен недавно.

Нужна ли Китаю «национальная идея» вообще? Нынешний лидер Китая Си Цзиньпин объявляет о китайской мечте. Поднебесная, внимательно наблюдая за внешним миром, все более укрепляется в ощущении собственной полноценности и уже готова внести конкретный идейный и, что важно, практический вклад в развитие мировой цивилизации, заплутавшей в последние десятилетия в дебрях неолиберализма, постмодернизма, монетаризма и т.п. Отчасти в этом пункте как раз и заключен узел противоречий между Пекином и Западом. «Заземленный на практику “коммунистический Китай” (о чем ныне угождающий Пекину Запад быстренько позабыл) выглядит теперь гораздо менее индоктринированным обществом, чем “свободный Запад” с его остатками глобальных претензий»². И здесь легче всего «цивилизационное» заменить на «культурное», а «специфически китайское» правомерно искать в области политики, попыток инструментального подхода к экономике и социальной сфере. Так что Китай – это nation-state, а китайская нация – самая многочисленная и мощная в современном мире. Этот пример «работы

¹ Там же. С. 150.

² Там же. С. 151-152.

с идеей нации» и нациестроительства заслуживает внимания в работе над идеей России.

Сказать в итоге, что китайский опыт нациестроительства целиком успешен, было бы явным преувеличением. После образования КНР в стране был установлен жесткий коммунистический режим, который сопровождался идеологическим прессингом и репрессиями, в том числе и против меньшинств и сепаратистских регионов. Особенно это проявилось в отношении двух больших регионов: буддистского Тибета и мусульманского Синьцзяна. В 1950 г. Тибет силовым путем был присоединен к Китайской Народной Республике и получил статус автономного района. Духовный лидер буддистов Далай-лама XIV оставался главой района до 1959 г., когда произошло вооруженное восстание местных жителей, которое было подавлено китайской армией. Китайское правительство начало проводить жесткую политику интеграции тибетцев, закрывать и разрушать религиозные центры, которыми являлись монастыри и храмы. Далай-лама XIV эмигрировал в Индию, где появилось тибетское правительство в изгнании. С тех пор ситуация в Тибете оставалась долгие годы напряженной, а в мире возникло движение солидарности в поддержку самоопределения Тибета и с осуждением действий Китая. Власти КНР, в свою очередь, обвинили лидера тибетских буддистов в организации беспорядков. Следует отметить, что Далай-лама выступает не за независимость Тибета, а за широкую автономию в рамках КНР. Его политика «срединного» пути и ненасильственного решения проблемы предполагает нахождение компромиссного варианта решения тибетского вопроса. Похоже, что в последние годы экономические успехи и политика общекаитайской интеграции дают свои результаты. Таким образом, успешная экономика на основе технологического прорыва и интеграция населения вокруг общей цели – это два полезных напоминания для программы нациестроительства в России.

ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД

Для академического историописания *ценностный подход* к изучению, пониманию и трансляции прошлого казалось бы не должен быть определяющим. Главное для профессионала – это строгое следование историческому документу и другим свидетельствам, верификация фактов и отторжение фальсификаций, приверженность объективности, уважение к самому ходу истории и к сохраняющейся народной памяти. Однако историческая наука может страдать не только от недобросовестности и злонамеренности историка или интерпретатора, но и от еще двух напастей. Это – *презентизм*, т.е. трактовка прошлого в духе «чего изволите», в угоду политическому или другому заказу, и это – *субъективизм*, т.е. писание в духе «я так вижу», оценка исторических явлений и событий в зависимости от личных пристрастий в ущерб научной строгости. Все это известные крайности, которых в анналах российской историографии достаточно, и они всегда подвергались профессиональной критике. Тем не менее, история – наука гуманитарная, существующая в обществе не только как любительское занятие, но и по-разному поддерживаемая государством профессия, признанная сфера научного знания, воспитания и просвещения. А раз так, то и говорить о ее идейной стерильности и независимости от своего рода социального заказа, верхушечных предписаний и массовых настроений было бы неосмотрительно. Собственно говоря, такой стерильности никогда в историописании и не было, начиная с былинных и летописных текстов, всегда имевших целью прославление (или осуждение) деяний правителей, воспевание героев и подвигов собственных стран и народов.

Становление профессиональной исторической науки ввело в обязательный инструмент принципы отбора, изложения и оценок того, что произошло в прошлом, а также

такие цели научного занятия, как выявление причин и природы исторических событий и явлений, закономерностей прошлой эволюции для лучшего понимания настоящего и с возможностью перспективного видения. Но почти всегда в той или иной мере в истории и перед историками вставал в том числе и вопрос о ценностях. Какое место в жизни людей и создаваемых ими социальных коллективов занимают такие категории, как семья, родина-отечество, патриотизм, солидарность, верность, дружба и любовь? Как и по каким параметрам оценивать служение, принуждение, рабство и насилие, измену и предательство? К ценностным явлениям и оценкам относятся и многие явления в сфере человеческих занятий, социальных и культурных взаимодействий людей.

Особое место в наборе исторических ценностей занимают ценности духовно-религиозного порядка, которые служат не только личностным целям и озабоченностям, но и целям достижения общего блага и умиротворения, служения и жертвования, отправлению государственных нужд и правил. Ценности пронизывают всю ткань жизни, а, значит, они отражаются и в описании прошлого. Конечно, в разные времена в разной степени и по разному они наполняют жизненные смыслы и общественную жизнь. Под воздействием со стороны отдельных лиц (лидеров, культурных героев, проповедников и др.) и социально-политических сил (госструктур, общественных институтов, партий и движений и др.) эти ценности формируются, внедряются, трансформируются или отменяются.

Однако некоторые из ценностей относятся к разряду своего рода вечных и всеобщих, а некоторые больше связаны с эпохой и даже с определенным историческим моментом. Ценности и ценностный подход – это не всегда позитив и созидание. Известно, что под лозунгом служения «сакральным ценностям» в мире совершались и соверша-

ются также массовое насилие, убийства и террористические акты. В истории России вероисповедные начала, правовые наставления и нормативы, социально-политические идеи во многом определяли общенациональные ценности и характер государственности, не говоря уже о значимости традиционных ценностей, выработанных каждым из народов. Наша страна неоднократно переживала радикальные трансформации в сфере духовно-нравственных ценностей. Только XX век принес две социальные революции, две тяжелые войны и распад государства, что не могло не сказаться на ценностной стороне жизни россиян.

Что касается исторической науки и интереса российских историков к ценностно-ориентированному подходу в арсенале исследователя истории, так и к самой этой стороне жизни страны, то здесь ситуация неоднозначная. В последние десятилетия такие доминирующие направления историографии, как экономическая, социальная и политическая история, дополнились направлениями истории повседневности, семьи, демографии, институтов, символики и другими. Однако духовно-нравственные составляющие жизни людей, история морали и поведенческих норм, индоктринации населения, человеческих взаимоотношений еще не обрели того места в исследовательской повестке, которое диктуется современной ситуацией. О чем здесь идет речь?

На мой взгляд, в современной России имеет место явление, которое можно назвать *ценностной мобилизацией*. Это когда на передний план жизненных озабоченностей людей и страны в целом выходят не столько вопросы материального жизненного обустройства, сохранения среды обитания и культурного производства, а вопросы образа и места страны в мире и ее будущего, вопросы солидарности и служения, справедливости и коллективного достоинства, другие сюжеты, которые относятся именно к домену ценностей.

Правда, это утверждение несколько расходится с традиционным антропологическим подходом к природе человека и общества, а также с некоторыми выводами отечественных социологов. Так, по мнению авторов проведенного в марте 2022 г. социологического обследования российского общества, «удовлетворенность среднего россиянина жизнью зависит, прежде всего, от качества его питания и доступности необходимых предметов одежды, а также от ощущения собственного места в обществе и опосредованных им оценок своего материального положения. Это свидетельствует о том, что российский социум все еще пребывает на «стадии выживания» с характерным для нее набором ценностей и норм. Для удовлетворенности жизнью в таком типе обществ важны в первую очередь те ее стороны, которые связаны с базовыми формами безопасности»¹.

Однако в вопросе, по каким ценностям живет российское общество, каков набор желаемых и предписываемых элитой ценностей, а также каковы внешние ценностные ориентиры и влияния, есть ряд новых явлений. Эти явления требуют обновленных познавательных подходов, которые учитывают мировоззренческие трансформации и актуальные целеполагания в новой геополитической ситуации. Как отмечают коллеги-социологи, одна из таких трансформаций в мировоззренческих установках россиян связана с вопросом приоритетности и соотношением личного и общего. Как отмечалось выше, в стране уже достаточно много лет присутствуют установки на утверждение образа России как уникальной цивилизации, ее «цивилизационного суверенитета» с собственным набором духовно-нравственных ценностей. Не только в резолюциях ВРНС, но и в государ-

¹ Информационно-аналитический доклад Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН «Российское общество в условиях новых вызовов и угроз (контекст социологической диагностики)» (Москва, 2022). С. 229.

ственных документах стратегического планирования, в том числе в Стратегии национальной безопасности 2021 года, одной из главных сфер обеспечения безопасности и развития общества и государства названа защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Содержится перечень «базовых, сформировавшихся на протяжении столетий отечественной истории духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, норм морали и нравственности в качестве основы российского общества»¹. В центре этого перечня жизнь и достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и другие. Среди них названы также «приоритет духовного над материальным» и «коллективизм», которые действительно важны с точки зрения общих интересов и в особых ситуациях, но они по обычному разумению уступают хрестоматийной установке приоритета личных интересов над общественными, особенно если речь идет о повседневной жизни человека.

Тем не менее, социологический опрос населения страны показал, что в условиях мобилизации общества весны 2022 г. произошли трансформации в ценностных установках. Все больше россиян считают, что военная спецоперация на Украине и события вокруг России требуют изменения отношения человека к стране и обществу. Около двух третей россиян сегодня при определенных условиях готовы ставить общественные интересы выше личностных. Выпадает из данного тренда группа, в которой преобладают установки на приоритет личных интересов, – это молодежь в возрасте до 25 лет. Как и после воссоединения Крыма с Россией, с началом военной спецоперации на Украине имеет место заметная консолидация социума по ключевым вопросам общественного

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400.

развития. Как заключают социологи, «на фоне решительных действий международного значения, предпринимаемых Россией, растет уверенность в том, что страна идет по правильному пути, усиливается поддержка власти. Вне рамок общественного консенсуса по важнейшим вопросам дальнейшего развития и устройства страны остаются россияне, не поддержавшие решение о проведении специальной военной операции – группа сравнительно небольшая по численности (около 1/5 опрошенных), но внутренне консолидированная на позициях критики нынешнего курса»¹. В большинстве своем это молодежь до 25 лет.

Российское общество переосмысливает и такую ценность как *патриотизм*. Одно из его проявлений – это привязанность и верность стране своего месторождения и проживания. Среди россиян есть люди, считающие страну своего рождения единственным местом, где человек должен жить, и есть те, кто допускает возможность жить там, где больше нравится. Ни одна из этих точек зрения не является сегодня доминирующей, и опять же мнения наших сограждан в данном вопросе разнятся по возрастам. Молодежь и люди средних возрастов, включая группу 36–45-летних россиян, придерживаются точки зрения, согласно которой родина не должна быть единственным местом проживания человека. Как заключают социологи, «ценности “большого мира” уже стали частью мировоззрения и жизненных практик этих достаточно активных и трудоспособных групп российского населения, и вряд ли они откажутся от них в обозримом будущем»². В то же самое время увеличивается доля российских граждан, указывающих в числе приоритетов укрепление суверенитета России и ее позиций на мировой арене (с четверти до трети опрошенных в 2021 г. и 2022 г. соответственно).

¹ Российское общество в условиях новых вызовов и угроз. С. 238.

² Там же.

В остальном в массовом сознании представления о стоящих перед Россией актуальных задачах на протяжении двух последних десятилетий практически не менялись.

В числе главных приоритетов российского общества остаются обеспечение равенства всех перед законом, увеличение финансирования медицины, образования, культуры. Вопросы либеральной повестки (демократизация общества, расширение прав и свобод, свободное предпринимательство и т. п.) не воспринимаются россиянами как значимые. В наше время 15% граждан (социологи назвали их условно «новые западники») желают, чтобы Россия следовала по западному пути, в то время как другие 19% («государственники») предпочитают собственный путь. Оставшиеся 2/3 россиян придерживаются менее выраженных взглядов, но при этом не стремятся к западному пути развития. Если «новые западники» больше оторваны от исторического прошлого страны, демонстрируют недоверие к власти, больше озабочены защитой прав и свобод человека и прав меньшинств, то «государственники» больше чтят историю страны и своей семьи. Историческая память выступает для них одной из основ солидарности в обществе. Они верят в особый путь России и, будучи более лояльны к власти, убеждены, что последняя знает, что делает, и все, что она предпринимает, делается во благо народа. Данная группа россиян согласна с тем, что неудобные государственным интересам мнения и информация должны пресекаться, а их носители – ограничиваться.¹

Ценностная сторона патриотизма включает образ своей страны и отношение к ней. Как показало социальное исследование, в настоящее время большинство россиян гордится своей страной. Стыд за нее испытывает лишь каждый десятый опрошенный, и около трети российского населения затруд-

¹. Там же. С. 238-239.

няется с однозначной оценкой отношения к России. Среди молодых россиян, как и среди других возрастных групп, чувство гордости за свою страну также доминирует. При этом подавляющее большинство россиян (84%) испытывает чувство гордости за историю России, а чувство стыда за таковую оказывается маргинальной позицией (2%). Гордость за историю является преобладающим чувством среди россиян, и аналогичные эмоции проявляются и в отношении современной России. Сегодня большинство россиян (86%) интересуется историей своей семьи. Хорошее знание семейной истории, информированность об участии родных в знаковых исторических событиях питают чувство гордости за историю России¹.

Важнейшая тема политической повестки и гуманитарного знания – это тема идентичности. «Век идентичностей» (выражение М. Кастелса) принес много проблем и поставил перед учеными, в том числе и историками, новые исследовательские задачи. Кем себя считали и как себя называли наши соотечественники в далеком и недалеком прошлом, кого они считали «своими» и кого «чужими» (немцам – «немыми»), что разделяло и что соединяло людей, делая их одним народом. Выше мы показали, как используется понятие *нации* для сплочения и солидарности согражданств, находящихся под одной суверенной властью. Но в других работах мы много писали и о значении в истории и культуре России этнических сообществ, которые мы зачастую называем также нациями и народами². А самое важное, нашими совместными с другими учеными усилиями в России

¹ Российское общество в условиях новых вызовов и угроз. С. 238-239.

² См., напр.: *Тишков В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003; *Он же.* Российский народ. История и смысл национального самосознания. М., 2013; *Он же.* Этнология и политика. Статьи 1989-2021. Избранные труды в 5-ти томах. Т. 5, М., 2021.

обновляется представление о российском национальном самосознании (идентичности) в его сложном, многоуровневом и не взаимно исключающем формате, а именно, как «и русский, и российский». Мы показали, что все формы идентичности как чувства принадлежности и сопричастности являются результатом социализации человека в семье и в обществе, воспитания и образования, политического и медийного воздействия. Эти чувства очень важны как для индивида, так и для страны и общества. Они могут находиться во взаимодействии, конфликтовать или дополнять друг друга. Групповые конфликты на основе идентичностей относятся к наиболее острым и трудным для решения, ибо затрагивают сферу ценностей и культурных различий, часто не поддающихся компромиссам. Наша история учит, что даже самые малые культурные различия могут быть причиной глубоких и кровавых конфликтов.

Динамика и соотношение разных идентичностей среди россиян – важнейший вопрос, пока недостаточно исследованный историками, социологами и психологами. Это, когда в одном человеке и в сообществах соединяются чувства сопричастности с большой и малой Родиной, с представителями своей национальности и религиозной конфессии, когда человек, выросший в этнически смешанной семье или среде, может заявлять, что «во мне много всего намешано», но «я – русский патриот». Долгое время здесь преобладали упрощенные подходы и оценки: «мы – все советские», но надо было обязательно указывать свою национальность: без национальности ты – маргинал. И две национальности быть не может, только одна и только по одному из родителей. То, что считается *страновой* (по мировому стандарту – *национальной*) идентичностью не было в центре внимания государственного строительства. Главное (в зависимости от исторической эпохи) – это быть «презренными рабами»

правляющего монарха, служить делу коммунистической партии, крепить дружбу народов и т.п. О дружном народе речи фактически не было. Последнее обеспечивали партийные и другие органы, газета «Правда» и вера в превосходство социального строя и исторического выбора. В экстремальных условиях, как, например, в годы Великой Отечественной войны, эта вера действительно обеспечивала народную солидарность и жертвенный героизм.

Российская Федерация после 1991 года вступила в эпоху более ответственных смыслов, хотя и не сняла с повестки вопросы воспитания, убеждения и пропаганды среди населения. Осмысление новой-старой страны, ее национальных интересов и форматирование новой идентичности потребовало времени, многих усилий и дебатов. Спустя три десятилетия новейшей истории, все наши и другие оценки выводят сегодня на первое место общероссийское национальное самосознание, хотя ситуации разнятся между регионами и республиками. Сегодня при ответе на вопрос, «Кем Вы себя прежде всего считаете?» от 70 до 90% жителей страны отвечают: прежде всего я – россиянин, гражданин Российской Федерации. Это очень высокий уровень приоритета общенациональной идентичности. Заметим, что при аналогичном опросе показатели уровня страновой идентичности во многих признанных национальных государствах (Великобритании, Франции, Испании и др.) ниже российских, а в США вообще 56% американцев азиатского происхождения, 59% – латиноамериканского, 74% – чернокожих на первое место ставят свою расовую идентичность.

Какие факторы и обстоятельства лежат в основе национального чувства? Как показало выше цитируемое социальное исследование, гражданская идентичность российских граждан основана, прежде всего, на гражданстве (61%) и территории проживания (59%). При этом общероссийская гражданская

идентичность ассоциируется и с такими признаками, как язык, историческое прошлое, культура, ответственность за судьбу страны, традиции или обычаи. Что касается второй по значимости этнонациональной идентичности (в некоторых республиках она выше или на равных с общероссийской), то ее составляющие менее многообразны и воспринимаются, прежде всего, как совокупность атрибутов традиционной культуры. «Понимание этнической общности через сопричастность общей культуре, а не через биологические показатели, делает её границы не «жесткими», открытыми для новых членов, а этническую идентичность — изменяющейся под влиянием времени. Преобладающие в восприятии большинства россиян представления о полиэтническом характере российской нации, объединяющей различные этнокультурные и конфессиональные идентичности российским гражданством, русским языком и исторической памятью, опосредуют их взгляды на то, как должны выстраиваться межнациональные отношения в России»¹, —делают заключение социологи.

Примечательно, что далеко не все, но все же 55% опрошенных полагают, что Российская Федерация — это дом многих народов, оказывающих друг на друга влияние, и, как следствие, никто из них не должен иметь каких-либо преимуществ. Именно эта идея доминирует в российском обществе. Размышляя о том, кого можно считать русским человеком, россияне чаще всего упоминают тех, кто воспитан на русской культуре и считает её своей. За последние 15 лет популярность определения сопричастности русскому народу через культуру выросла на 10% (с 38% до 48%). Еще треть наших сограждан полагает русским любого, кто себя таковым считает. За минувшие 15 лет популярность данной точки зрения также увеличилась (с 27% до 33%). В целом россияне сохраняют чувствитель-

¹ Там же. С. 240.

ное отношение к вопросу об этнической идентичности¹.

Не менее важная тенденция исторического масштаба – это отход от обязательно единичной формы этнической идентичности, которая предполагает, что потомок от смешанного брака должен выбрать национальность одного из своих родителей, даже если он знает и любит культуру и язык обеих родителей. Обязательность национальности по родителю предписывалась советской наукой и бюрократией многие десятилетия, но ситуация меняется, о чем свидетельствуют данные последних переписей населения в части ответов на вопрос о национальной принадлежности. К утверждению среди людей сложных идентификаций можно отнести тенденцию к отказу от обязательной демонстрации своей этнической принадлежности и, как один из выходов, – предпочтение считать себя просто *россиянином*, а в региональном разрезе, например, – *дагестанцем*, не разрываясь между аварской и андийской или дидойской идентичностями. Социально-культурная и одновременно – историко-региональная, эта идентичность становится престижной и более понятной в случае проживания выходцев из этой республики в отдаленных регионах и в центральных мегаполисах.

На наш взгляд, следует изучать в историческом и современном контекстах и всячески поддерживать первичную ценность становой идентификации в наборе личностных и коллективных ориентаций. Тем более, что на уровне общероссийских замеров российская идентичность уже обладает приоритетностью над этнической, религиозной и местно-региональной. Эта тенденция в ценностной эволюции россиян проявляется и в их ответах в переписном вопросе о национальной принадлежности. По некоторым сведениям, несколько миллионов жителей страны в переписи населения 2020-2021 годов назвали себя россияни-

¹ Там же.

ном или просто гражданином России. Тем более, что многие, особенно путешествующие за рубеж, уже привыкли отвечать таким образом при заполнении графы «национальность» в визовых анкетах.

Поверхностные паникеры склонны трактовать этот вопрос как угрозу перехода русских в россиян и в результате уменьшение общей численности русского народа. На самом же деле больше всего самообозначение *россиянин* предпочитают обрусевшие в языковом отношении представители нерусских национальностей или же те из постоянных жителей, кто ожидает получение российского гражданства, прибыв из ближнего зарубежья. Конечно, среди указавших национальность *россиянин* могут встречаться и этнические русские, которые этим могут выражать скептическое отношение к принципу обязательной и единичной этнической идентификации. Нельзя исключать, что в исторической перспективе порожденные советским опытом огосударствление и территориализация этнической идентичности будут терять свою ценность и уступать первенство страновой принадлежности, переходя из сферы государственной озабоченности и правовых норм в сферу индивидуального выбора и самоопределения. По крайней мере, большинство стран мира живут по такой формуле. Собственно говоря, на уровне массового настроения и выбора этот процесс уже идет в России, приводя в состояние замешательства чиновников и т.н. этнических предпринимателей – тех, кто сделал свою русскость, татарскость, башкирскость, еврейскость и т.п. подобием профессионального занятия или жизненным предназначением.

Если говорить о главном итоге последних десятилетий, полных научных поисков и дебатов, общественных обсуждений и политических решений, то можно сделать следующее заключение. Общими усилиями политиков и ученых выработан единственно возможный вариант су-

ществования и развития нашей страны как полиэтнического и поликонфессионального государства на основе российского национального проекта и его основной формулы «единства в многообразии». А вместе с этим понятие *национальная политика*, которая до этого понималась только как этническая политика, наполняется новым, более адекватным содержанием как политика национального строительства и обеспечения национальных интересов российского народа как полиэтнической гражданской нации. Таким образом, современное понимание национальной политики выходит за пределы этнонациональных проблем и включает в себя общенациональный проект развития России как государства-нации на основе признания и единства российской нации.

Современная национальная политика — это политика обеспечения общенациональных интересов российского народа, среди которых главными являются благополучие, безопасность и развитие страны на основе равноправного и солидарного взаимодействия и сотрудничества всех россиян независимо от их этнической принадлежности и религиозных убеждений. В этом суть национальной идеи России. Нынешние дискуссии вокруг изучения и преподавания истории и родных языков показали, насколько разнятся представления о прошлом и языковые ситуации, а также политические решения в разных регионах и среди представителей разных народов России. Общей установкой для руководителей и специалистов в данной области должна быть не одержимость унификацией и понимание единства как «единственного» (учебника, подхода, правовой нормы и т.д.). Общей установкой должен быть принцип, что признанное разнообразие и есть единство. Выработанный академиками и утвержденный государством историко-культурный канон не должен мешать творческим

подходам к историческому материалу, вариантам учебных пособий, методам преподавания, включая свободный выбор в изучении языков, помимо обязательного изучения и знания государственного русского языка.

Наш вывод состоит в том, что научная и учебная работа по этим направлениям должна обогатиться ценностным подходом, не заменяя им не менее важные подходы объективности, уважения и защиты исторической правды, отторжения конъюнктурности и фальсификаций. Ценностный подход не может быть препятствием к тому, чтобы история как наука и учебная дисциплина выполняла свою главную миссию – воспитание ответственного гражданина, знающего и уважающего историю своего Отечества. Последнее составляет саму суть патриотизма. Напомню высказывание В.В. Путина на встрече с доверенными лицами, членами ОНФ и политологами 29 февраля 2012 года: «Нам вместе нужно найти нечто такое, что станет объединительным фактором для всей многонациональной, но единой российской нации. И я не вижу ничего другого, кроме патриотизма».

Как наполнить содержанием российский патриотизм и как обеспечить то самое «постоянное воспроизводство согласия»? Российский патриотизм — это деятельное чувство сопричастности с Россией как страной, с ее народом и его культурой. Исследователи темы определяют его как: «идеология и психология, политика и деятельность, выражающие особое, любовно-возвышенное, преданное отношение человека к Отечеству»¹. Однако в понимании патриотизма как социокультурного явления, пронизывающего основные стороны жизни личности и общества в целом, могут содержаться и критические моменты относительно состояния дел и хода событий, но в любом случае объектом

¹ *Иванова С.Ю., Лутовинов В.И. Современный российский патриотизм. Ростов н/Д, 2008. С. 4.*

патриотизма и его исходной точкой является Отечество. «На основе разделяемой большинством членов общности системы ценностей, сконцентрированной вокруг того или иного образа Отечества, возникает ценностно-ориентационное единство общности, показатель ее сплоченности. Отечество как ценность важно для личности прежде всего реализацией в нем ее духовных устремлений. Патриотизм не есть некий нивелированный и навязываемый личности извне шаблон, он предполагает и частный выбор, суверенную позицию личности». Одним из условий формирования патриотического сознания человека является осознание национальных интересов, когда само мышление в категории национальных интересов выступает фактором воспроизводства и формирования нации. «Формирование концепции национальных интересов является критерием становления нации. Национальные интересы – это основное ядро ценностей, которое нация-государство бережет и стремится защитить любой ценой»¹.

В научной литературе и в публицистике можно встретить противопоставление патриотизма и национализма. Так, например, академик Д.С. Лихачев в традиции советского общественнознания разделял эти два понятия. По его словам, патриотизм – «это даже не чувство, это важнейшая сторона личной и общественной культуры духа, когда человек и весь народ поднимаются над самими собой и ставят себе сверхличные цели», а национализм – это зло, которое «только делает вид, что порождено любовью к своей стране. А порождено оно на самом деле злобой, ненавистью к другим народам и той части своего народа, которое не разделяет националистических взглядов»². В этих словах наше

¹ Там же. С. 311.

² Лихачев Д.С., Самвелян Н.Г. Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем, завтрашнем. М., 1987. С. 27-28.

внимание привлекает мысль, что в определенных условиях человек и народ как бы «поднимаются над самим собой» во имя поставленных «сверхличных целей». Нынешнее глобальное противостояние и сопровождающие его риски являются именно таким моментом. Подтверждая одну, казалось бы, маловероятную историческую закономерность новейшей истории, что после одной большой битвы вокруг мироустройства рано или поздно должна следовать другая, схожая по своим смыслам мировая встряска. С этим предположением можно смириться только при условии, что никогда не реализуется предостережение еще одного российского академика, историка Ю.А. Полякова, который допускал возможность гибели человечества от им же самим созданной возможности термоядерной катастрофы¹.

¹ История России в зеркале современности. Беседа с академиком Ю.А. Поляковым». Вестник Российской академии наук. Том 81. № 1. 2011

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кратко об основных выводах нашего эссе. Так называю этот текст, потому что он больше, чем статья, и меньше, чем книга. К тому же фрагментарен, ибо вырос из доклада на конференции, а не в результате более строго замысла. Вначале нами были обозначены основные теоретико-методологические позиции современного историописания в аспекте примордиально-эссенциалистского и социально-конструктивистского подходов. Первый очень долго доминировал в отечественном гуманитарном знании, частично сохраняет свое влияние и даже переживает своеобразный возврат через попытки трактовать исторические и современные явления в рамках биолого-генетических определений или роли «натуральных», «природных», сверхъестественных факторов, не зависящих от научных конструкций и социально-политических воздействий. Такие подходы в стиле «этнос и хаос» или «народы – это мысли Бога» сохраняют свою особую популярность на уровне бытового мышления и среди неофитов в области гуманитарного знания.

Утвердившийся не без противодействия подход социального конструктивизма очень многое добавил к нашему пониманию истории и современности, обратив первичное внимание на роль целенаправленных человеческих проектов, вызывание к жизни и превращение в жесткую реальность идей и действий людей. Именно в результате этого возникают и становятся всеохватными институты и коалиции типа государств, наций, обеспечиваются солидарность народа и нормы общежития, а слова и идеи могут также отливаться в пули и нести смерть и разрушения. Мы не абсолютизируем ни один из подходов и не считаем, что нации как «воображаемые общности» (выражение Б. Андерсена) это всего лишь «изобретенные общности» без опоры на культурные основания и проектную деятельность. Однако

мы отдаем предпочтение именно этому подходу и видим его плодотворность в объяснении истории России в противовес фундаменталистским, основанным на религиозной или мистической аргументации, подходам.

Нами подвергается критическому анализу т.н. *цивилизационный подход* к объяснению России как цивилизации, выделяющий ее неповторимую уникальность и косвенно противостоящий российскому национальному проекту, т.е. трактовке страны как государства-нации с полиэтничным и многоконфессиональным российским народов. Выход из этой коллизии и своеобразного кризиса понимания предлагается нами в признании и научной разработке двух категорий, которые не исключают друг друга: историософской и культурологической категории *цивилизация* с обоснованием ее более определенных признаков и социально-политической, нормативно-правовой категории *нация* как согражданства с общей исторической памятью, культурой и ценностями. При этом подходе не отрицается использование категории *нация* и в отношении этнических общностей, учитывая советский опыт трактовки национального сугубо в этнокультурном смысле и результаты конструирования многих «социалистических наций» на основе этнического многообразия населения Российской империи. Таким образом, мы имеем в итоге две максимы: Россия – это и нация, и цивилизации, а *российский народ – это нация наций*. Данный подход подтверждается нами сравнительным материалом двух схожих с Россией полиэтничных национальных государств, признаваемых «цивилизационистами» как отдельные цивилизации, – это Индия и Китай.

Важным направлением в обновленных подходах к пониманию России стало изучение проблемы российской идентичности как чувства сопричастности с Россией на коллективном и на личностном уровнях. В принципе речь идет

о феномене национального самосознания в его страновом варианте, а не этническом, как это длительно трактовалось нашей наукой и практикой. Российская идентичность утвердилась как доминирующая среди других форм коллективной идентичности в самые последние два десятилетия и особенно в последние годы после присоединения Крыма к России. Однако заявления «прежде всего я – россиянин, гражданин России» не исключают наличие и демонстрацию идентичности по принадлежности к этнической общности (этнонации) или конфессии. Поэтому следует признать и поддерживать двойную или еще более сложную идентификацию наших граждан по стране, своей национальности и религии, краю-региону рождения и проживания. Взаимоисключающий подход здесь не приемлем, ибо исторически россияне ощущали и называли себя по-разному, а их солидарность обеспечивалась лояльностью правящей династии, религиозным единством, языком и другими факторами.

Приоритетность чувства принадлежности к гражданской нации и самообозначение «мы – россияне» будет возрастать в ситуации кризисов типа коронавирусной пандемии и геополитических вызовов, ибо только государство способно, имеет ресурсы и легитимное право обеспечивать безопасность и развитие, сохранение мира и согласия, ограждать от бедствий и при необходимости вводить меры дисциплинирования населения. Никакие этнос или корпорация таких возможностей и прав не имеют. В итоге еще одна необходима формула: «я – и русский, и россиянин», «я – и татарин, и россиянин» или, как говорил башкирский поэт Мустай Карим, «не русский я, но россиянин».

В нашем эссе излагается *ценностно-ориентированный подход* в изучении и трактовке прошлого и современности. Его популярность вызвана кризисом либеральных ценностей, общим консервативным поворотом в политике и иде-

ологии, в том числе и в России. Потребность в сохранении и защите традиционных духовно-нравственных ценностей остро обозначилась в нашей стране в результате отторжения многих ценностных и культурных установок, которые активно внедрялись под влиянием Запада. Задача использования истории как науки и учебной дисциплины в целях воспитания ответственного гражданина также обозначилась в последние годы. Патриотизм и другие составляющие российской идентичности оказались особо важными в ситуации специальной военной операции на Украине и сильнейшего внешнего давления на нашу страну и ее народ. В ценностном подходе важны изучение и понимание таких категорий жизни, как семья, род и отечество, лояльность и служение, солидарность и жертвенность, насилие и миролюбие, любовь и дружба. Общеразделяемые ценности больше, чем просто культурная схожесть, делают народ единым. Однако при этом следует иметь в виду, что одержимость прошлой нормой может противоречить развитию, условием которого являются перемены и инновации. Историки знают, что нынешние традиции когда-то были инновациями, а нынешние инновации станут завтра традицией.

В мировоззренческой картине современных россиян мы наблюдаем большое разнообразие и ценностные перемены, зависящие от многого, в том числе и от политических и медийных воздействий. Процесс убеждения и консолидации населения в пользу проводимого властями курса, его ценностная мобилизация возможны, если они отвечают как исторической памяти, так и массовым повседневным озабоченностям. Как мы показали на материалах одного из выполненных социологических исследований российского общества, такой консенсус, поддержка курса и солидарность народа имеют место в России. И это случается не первый раз в отечественной истории.

Хочется верить, что нынешний кризис завершится для России успешно, и тогда, как и сейчас, перед страной и обществом встанет в своей обновленной рамке все тот же главный вопрос: кто есть «Мы» и что надо делать, чтобы быть успешными и счастливыми? В поиске ответа на этот вопрос и было написано мое сочинение.

Научное издание

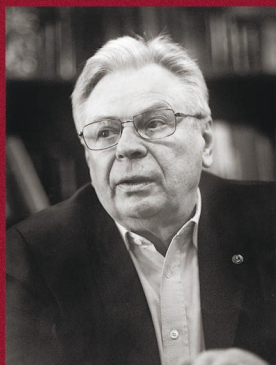
В.А. Тишков

Нация наций: о подходах к пониманию России

Компьютерная верстка: Н.А. Белова
Автор обложки: Е.В. Орлова

Подписано к печати 9.01.2023
Номер заказа 186518
Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 2,5
Тираж 300 экз.

Отпечатано в АО «Т 8 Издательские Технологии» (АО «Т 8»)
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп.5.



Тишков Валерий Александрович
– академик РАН,
научный руководитель Института
этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
директор Учебно-научного центра
социальной антропологии
Российского государственного
гуманитарного университета.

ISBN 978-5-4211-0299-1



9 785421 102991